

ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ В ПРОЗЕ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

Александр Дырдин

Ульяновский технический университет
Кафедра филологии, издательского дела и редактирования

Существует множество определений эстетической сути природы. Вот одно из них: «<...> выступая последним критерием прекрасного, природа как бы объективно ею обладает, и в то же время, она бессильна ее, свою эстетическую ценность, окончательно выявить, она нема, искусство за нее свидетельствует об этой ценности»¹. В плане нашей темы это суждение и есть ключ к эстетике природы у Шолохова. Природа в мире автора «Тихого Дона» – это и характеристика донского пейзажа с его местным колоритом, и «зеркало» душевных движений тех, кто обитает на донской земле. В обрисовке сходства состояний человека и природы, в авторской сопричастности природной жизни выражается мировидение писателя.

Обратимся к шолоховской философии природы, ставшей основой его «синтезированного словесного пейзажа»².

В прозе Шолохова ценностью на-

деляются и жизнь в целом (космос, его законы), и ее естественные феномены (живая и мертвая природа, степной ландшафт, водная стихия, земная плоть). Сравнение двух миров – человеческого и природного – константа шолоховского стиля. Уже в ранних произведениях Шолохова (рассказы и повести 1925–1927 гг.) «образы природы зачастую несут символическое “опережение” событийного ряда, концентрируя в себе его трагедийную сердцевину», – констатирует И.Б. Ничипоров³. Здесь выявился принцип непрерывности движения мысли в воспроизводимом жизненном пространстве. Все в нем пронизано единством, все прозрачно для авторского взгляда. Человеческие отношения и природная среда взаимопроникаемы. Эта соприродность земной органике, постоянное проникновение друг в друга различных энергий – животного, растительного мира и психологии героев – особенность изображения природы у Шолохова. Не

¹ *Эстетика природы*. Ред. К.М. Долгов, Москва: ИФ РАН, 1994, с. 55.

² Б.А. Ларин, «О Шолохове», *Михаил Шолохов. Сб. статей*, Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1956, с. 11.

³ И.Б. Ничипоров, *Человек и природа в новеллистике М.А. Шолохова 1920-х гг.*, www.portal-slovo.ru/philology/39484.php [07.01.2012]

только тварные существа, но и вещи, звенья миропорядка (солнце, небо, звезды, степь, Дон) начинают жить самостоятельной жизнью. Данная черта эстетики Шолохова часто рассматривается в рамках архетипического политеизма или пантеизма.

Как следует из целого ряда шолоховедческих работ, источником «природоцентризма» писателя является пантеистически-органистическая идея. Такое утверждение стало общим в статьях, диссертациях и монографиях, посвященных теме природы в художественном мире Шолохова. Отношение к природе писателя многими исследователями определяется с помощью понятия «пантеизм». При этом не уточняется, какая разновидность пантеизма избрана автором в качестве природоописательной модели: натуралистический (материалистический), мистический (трансцендентный) или имманентно-трансцендентный пантеизм, признающий присутствие Творца во всех вещах и предметах (всего насчитывается около десятка типов пантеистического миропонимания).

Образцы такого подхода многочисленны. Приведем лишь несколько примеров.

В разделе «Текстемы» «Словаря языка Михаила Шолохова» читаем: «Шолоховский “пантеизм” – языческое мироощущение, которое представляет реальный мир в одушевленности всех сил природы <...> “Пантеизм” писателя – явление земного, дольного мира, вышний небесный мир надприроден, он с высоты небес смотрит на мирскую жизнь и, сосуществуя, безраз-

личен к ней»⁴. Как видим, мироотношение Шолохова безоговорочно отнесено к языческому типу, хотя кавычки в слове «пантеизм» позволяют надеяться, что авторы словаря все-таки нашли способ означить своеобразие его мировоззренческих принципов.

Автор объемной монографии, рассматривая зооботанический аспект шолоховской прозы, демонстрирует «пантеистическую слитность» героев с природой. Мышление Шолохова прочно связано с земными стихиями, поэтому исследовательница интерпретирует его как переходное от античного анимализма к романтизму: природа одушевлена, но она безмолвна, безразлична, чужда человеку. Если образ природы у Шолохова содержит языческие элементы (даже Гремячий Лог получает название «от удара Перуновой молнии»⁵), то каким образом одним из шолоховских открытий становится «максимальное (Курсив автора монографии. – А.Д.) преобразование мира»⁶? Между тем, на последних страницах книги эмоционально и доказательно говорится о выходе писателя «на онтологические грани бытия»⁷, о проникновении Шолохова в тайны мироздания, заставляющем читателя пережить нравственное очищение – катарсис, что указывает на иные – духовные – смыслы природного бытия.

Выразителем «традиционной пантеистической, природозащитной пози-

⁴ *Словарь языка Михаила Шолохова*, Москва: ООО «ИЦ “Азбуковник”», 2005, с. 160.

⁵ Н.М. Муравьева, *Проза М.А. Шолохова: онтология, этическая стратегия характеров, поэтика*, Борисоглебск: БГПИ, 2007, с. 111.

⁶ Там же, с. 357.

⁷ Там же, с. 356.

ции» называет Шолохова И.В. Ширина⁸. Часто, говоря об интеграции языческого и христианского начал в шолоховском художественном мире, исследователи забывают о разных уровнях текста, причисляя элементы народной религии, религиозно-магические воззрения к сфере авторских взглядов.

В самом понятии «пантеизм», как и в эпитете «языческий», нет ничего крамольного, тем более что «язычество» в переводе со старославянского на современный русский язык прочитывается не только как поклонение идолам (от языцы – язычники), но еще и как «народничество» (от язык – народ). Но это не дает оснований для поисков корней шолоховского мироотношения исключительно в русле пантеизма и язычества⁹. Объяснительные возможности пантеистической философии невелики. Ее роль в эстетике Шолохова, на наш взгляд, явно преувеличена.

«Во многом были правы некоторые из исследователей творчества писателя, – пишет Е.А. Костин, – отмечавшие, что в его произведениях есть нечто от пантеистического мироощущения». Однако, по мысли шолоховеда, это не совсем

тот «пантеизм», который утверждает «“присутствие Бога” во Вселенной». Е.А. Костиным перечислены важнейшие отличительные особенности шолоховской эстетики: «преодоление крайнего субъективизма», «человеческого своеволия», идея единства и целостности природной материи, «драматизм воспроизведенного бытия»¹⁰. Все это позволяет отказаться от пантеизма как описательной модели шолоховского чувства природы. В итоговом суждении исследователь повторяет: то, что в текстах Шолохова называют пантеизмом, напрямую не соотносится «с известным типом философского сознания». Шолоховская «открытость бытию», присущая русской литературной классике, проявляется «по-новому» на материале жизни народа «в эпоху смыкания двух исторических, социальных и художественных эпох»¹¹.

С.Г. Семенова уверена, что о Шолохове «нельзя говорить как о пантеисте, принимающем и обожествляющем природный порядок бытия»¹². Рассматривая первичную, «основную данность мира», которая «расстилается <...> для человека в своих бесчисленных тварах и состояниях наглядными и тайными притчами значений и смыслов»¹³, автор работы о связях поэтики художника с его мировоззрением находит для обоснования шолоховского «природоцентризма» новую идею. Суть этой космо-

⁸ Е.А. Ширина, *Художественное осмысление природы в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Традиции и новаторство*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Москва: Моск. педагогический ун-т, 2001.

⁹ Ср.: «Если наши предки видели в небе отца богов, то мы, не поклоняясь Сварогу или Варуне, и вовсе не усматривая в небесном своде признаков живого личного существа, не менее язычников любимеся его красотой, она не зависит от наших субъективных представлений, а связана с действительными свойствами, присущими видимому нам мировому пространству». – Вл. Соловьев, *Сочинения в 2-х тт.* 2-е изд., Москва: Мысль, 1990. Т. 2, с. 364.

¹⁰ Е.А. Костин, *Философия и эстетика русской литературы*, Вильнюс: VAGA, 2010, с. 118.

¹¹ Там же.

¹² С.Г. Семенова, *Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию*, Москва: ИМЛИ РАН, 2005, с. 165.

¹³ Там же, с. 112.

логически-философской идеи состоит в соизмерении человеческого разума с космосом, когда природная сфера как бы настраивается по внутреннему миру личности. Писатель живописует природные мгновения, родственные или контрастные психологическому миру казаков. Посредством обмена между пейзажными образами и совершающимися в душах людей переменами (страшные картины войны – ужасный лик земли) на поверхность выносятся символическо-мифологические представления, стихийно зародившиеся в народном сознании. Этот архетипический комплекс, с точки зрения Семеновой, несет в себе те же смыслы, что и сложившийся во второй половине XX в. «антропный принцип», устанавливающий соотнесенность, корреляцию «между миром, Вселенной, макрокосмом и человеком, микрокосмом»¹⁴.

Иное понимание шолоховской эстетики природы предлагает Н.В. Корниенко. В своей книге «“Сказано русским языком...”». Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе» она обращается к скрещению смыслов и символики пейзажных картин «Тихого Дона» и песнопений Псалтири: «Первая природа <...> “чудесно” исполняет у Шолохова <...> славословие миру языком хвалебных песенных молитв Псалтири – хора и голоса». Шолоховский лейтмотив «сокровенного звучания» мира, по Корниенко, является экспозиционным образом, который «мотивирует хвалебные молитвы в других пейзажных зарисовках и сценах 4-й

книги» («Тихого Дона». – *А.Д.*), обретая «значение символа Всеединства»¹⁵.

Книга псалмов отражает природу особому. Перводанная красота одухотворена и осмыслена. Здесь, скорее, не природа очеловечивается, а то, что происходит во внутреннем мире человека, открывается по созвучию с природным состоянием. Это не столько «субъективный пейзаж», известный в литературе, сколько красота человека, обуздавшего страсти, исполненного жизненной полноты в ее природных отражениях. Много из такого восприятия природы мы находим у Шолохова. В «Тихом Доне», сопоставляя человеческую жизнь с природным бытием, писатель обращается к Псалтири, перенимает смысловые акценты символической метафоры «человек-трава». У древнего псалмопевца: «Дни человека – как трава; как цвет полевой так цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» [Пс.102:15–16]. В романе-эпопее: «<...> коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы»¹⁶; «Лишь трава растет на земле, безучастно приемля солнце <...>»¹⁷. Связь шолоховского развернутого образа-сравнения с библейским стихом более чем очевидна.

В основе такой картины мира – переживание бытия как творения, дорожащего всякой частью мироздания. Под этим углом зрения подходят к пробле-

¹⁵ Н.В. Корниенко, «Сказано русским языком...». Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе, Москва: ИМЛИ РАН, 2003, с. 126.

¹⁶ М.А. Шолохов, *Собр. соч. в 8-ми тт.*, Москва: Художественная литература, 1986. Т.2, с. 172.

¹⁷ Там же. Т. 3, с. 239.

¹⁴ Там же, с. 113.

ме «человек и природа» представители «липецкой» школы шолоховедения (Л.Г. Сатарова, Н.В. Ершова, Н.В. Стюфляева). Н.В. Стюфляева, формулируя главную идею творчества Шолохова в понятиях православной культуры, замечает: «Соборность предполагает и любовное, бережное отношение человека к природе, органическое слияние с ней, подразумевающее общее, национальное единство»¹⁸.

В шолоховском постоянном обращении к природе важно, с каким чувством художник подходит к ней. М. Пришвин, чью прозу Шолохов сравнивал с прозрачной водой из родника¹⁹, размышляет о способности «одаренных людей, художников, видеть мир с лица»²⁰. «Я лично, подхожу к ней (природе. – А. Д.) готовым человеком, тем самым сыном человеческим, откровения которого с мукой и стенанием “ждет вся тварь”», – писал он Е.А. Мравинскому²¹.

Реальный мир, с которым непрерывно взаимодействует человек, предстает у Шолохова в полифонии движений, красок и звуков. В его произведениях мы сталкиваемся не с простым олицетворением органической природы, а с природой в ее сущностных проявлениях. В природном бытии обнаруживается родственный человеку слой, види-

мый только тому, у кого есть внутренний дар – дар одушевлять окружающую действительность. Мысль Пришвина, высказанная в Дневнике 1928 года, объясняет истоки поэтизации природы у Шолохова: «Крестьяне, моряки, звероловы, по моим наблюдениям, наблюдают природу исключительно через себя. Народные песни, причитания, сказ дают нам громадное полотно такой очеловеченной природы»²². Способность «пропускать природу через себя» помогает понять связь между избранным подходом к явлениям природы и творческой установкой, авторским замыслом, художественными целями. Здесь обнаруживается созвучие эстетических взглядов Шолохова и А.П. Платонова, с его идеей одухотворения природы, прикосновения человека к миру «обнаженным сердцем». «“Прохождение сил мира” через существо человека» – такова, по словам Н.М. Малыгиной²³, формула платоновского творчества, воплощенная в ранних произведениях, в повестях и романах, в публицистике писателя-мыслителя.

Природные стихии изображаются в прозе Шолохова в «снятом виде»: не только как интуиции героя или имплицитного автора, но и через воспринимающее красоту природы эстетическое чувство самого писателя. Шолохов-художник наделен особым слухом к первоначальным началам жизни. Природа у него – объективная данность, наполняющая жизнь цельностью и красотой. То, что бытует на земле в своих естествен-

¹⁸ Н.В. Стюфляева, *Идея соборности и ее художественное воплощение в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Елец, 2004.

¹⁹ М.А. Шолохов, «Письмо М.И. Гриневой, 28 декабря 1933 г., ст. Вешенская», *М.А. Шолохов, Письма*, Москва: ИМЛИ РАН, 2003, с. 150.

²⁰ М.М. Пришвин, *Собр. соч. в 8-ми тт.*, Москва: Художественная литература, 1986. Т. 8. Дневники 1905–1954, с. 202.

²¹ Там же, с. 753.

²² Там же, с. 197.

²³ Н.М. Малыгина, *Эстетика Андрея Платонова*, Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985, с. 22.

ных формах, предстает в пейзажах Шолохова в смысловой органичной стройности. Произведения писателя пронизаны идеей разумной целесообразности мира. Его красота – в ощущении неоглядного пространства и быстротекущего исторического времени, в изменчивости природных состояний, показанных с помощью знакомых по народной поэзии образных перенесений: «В ночь под Пасху небо затянуло черногрудыми тучами. Отсыревшая темнота давила хутор. <...> Под мерные удары церковного колокола на Дону, сотрясая берега, крушились, сталкиваясь, ледяные глыбы». <...> «На Дону – плавный шелест, шорох, хруст. Будто внизу за хутором идет принаряженная, мощная, ростом с тополь, баба, шелестя невиданно большим подолом»²⁴.

Внутренняя сила жизни захватывает и среду людского обитания, одна часть единой картины указывает на другую. «Вымётываясь из руслу, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекате, <...> – завтра идет она полноводная, богатая»²⁵, – так пластично входит в шолоховский пейзаж устойчивая фольклорная метафора «жизнь-река».

Подведем итог обзору мировоззренческих моделей изображения природы у Шолохова. Шолоховские «земля» и «небо» в восприятии исследователей

часто противопоставлены. В этом случае они понимаются в отрыве от телологичности – важнейшего эстетического принципа национально-культурной мысли и главного свойства русской религиозной философии, которая видит в человеке естественное существо, но не растворяет его в природе, не ограничивает личность природным бытием. Созданные Шолоховым образы реальности представляют собой единство двух разных миров, двух пространств – согласного природного и человеческого, раздираемого борьбой за существование. Они содержат догадку о том, что внутри природы есть некая непознаваемая отправная точка, своего рода промыслительное начало. Тесно переплетаясь с земледельческой религией Матери-земли, шолоховская философия природы не может непосредственно воспроизвести сакральные концепты Создателя, Истины, Небесного Царства. Она строится на символах и мифологемах национального мировоззрения, на жизненных идеях народа, сохраняет его образ мира. Писатель показывает привязанность, любовь людей от земли к естеству, к природной плоти, но не бесознательное отношение к ним. Герои Шолохова не благоговейт перед природно-языческим миром. Для образного воссоздания бытия Шолохов прилагает традиционные топосы русской жизни, вобравшей в себя смыслы христианской культуры.

По верному замечанию современного исследователя, «мыслительное творчество осуществляется на традиционной-народной духовно-мифологической почве, посредством национально кон-

²⁴ М.А. Шолохов, *Собр. соч. в 8-ми тт.* Т. 1, с. 173, 174.

²⁵ Там же, с. 316.

кретного языка, которые дают первичный, дотеоретический материал» для философии, искусства и литературы. Мирозерцание носит «глубоко персонализированный характер, но всегда имеет дело с многовековым <...> опытом». Организуют, структурируют этот опыт «не условно образованные понятия, а символическо-мифологические» мыслеобразы, выражающие духовную энергию народа, его «глубинные ценности и устремления»²⁶.

У Шолохова символы гармонического природного бытия, предметы вышнего мира (небо, звезды, солнце), а также символы земной красоты (степь, Дон и лес, цветы, деревья и изображенные в своей свободе птицы и звери) соразмерны законам фольклорной эстетики и, одновременно, подчинены бытийной логике, объединяющей ценности небесного и земного порядка: «Под глухой перегул – стон распятой под каменными катками земли – думал Гришка неясные думки...»²⁷; «просторная, как Дон в половодье, песня»²⁸; «Травой зарастают могилы – давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших – время залижет и кровавую боль, и память о тех, кто не дождался родимых и не дождетя, потому что коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы»²⁹.

Шолохова трудно обвинить в языческом «природопоклонстве». Напрас-

но искать у его персонажей черты фе-тишизма и оргиазма, какими бы естественными не были их эмоции. Эстетически метод описания связей человека и природы, выработанный писателем, располагается между прекрасным и трагическим: граница, разделяющая две части бытия, преодолевается в целостном авторском взгляде на жизнь. Чем ярче представлена красота земли и неба, тем глубже и трагичнее разлад между природой и историческим временем, его социально-разрушительной сущностью, как это достоверно показано в эпизодах «Тихого Дона» и в первых рассказах Шолохова.

В 80-е годы XX в. известный шолоховед так сформулировал отличие Шолохова от многих писателей советской эпохи: «Его характерность в другом – в художественной полноте воспроизведения всего сущего в мире, той полноте, которая очерчивает предмет, раскрывает явление, не разрушая их естественной соразмерности»³⁰. Соразмерность, «умение показать предмет объемно, воспроизвести его в осязаемой вещественности»³¹ соединяются у автора «Тихого Дона» с ощущением хрупкости творения, трагизма человеческой судьбы.

В трагическом чувстве жизни, сочетающемся с ярко выраженной интуицией правды-справедливости, обнаруживает себя главенствующая черта эстетической позиции Шолохова. Пейзажные полотна, созданные писателем-эпиком,

²⁶ Ю.Ю. Булычев, *Христианская философия нации и проблемы русского культурного самосознания*, С.-Петербург: Изд-во СПбГПУ, 2006, с. 200.

²⁷ М.А. Шолохов, *Собр. соч. в 8-ми тт.* Т. 1, с. 120.

²⁸ Там же. Т. 4, с. 243.

²⁹ Там же. Т. 2, с. 172.

³⁰ А.И. Хватов, *На родной земле, в родной литературе*, Москва: Современник, 1980, с. 187.

³¹ Там же.

имеют отношение к двум сферам: к миру природы и к миру эстетического сознания. Символизация взаимодействий человека и окружающей реальности основана у Шолохова на идеале прекрасного, который сложился в исторической

жизни России и в ее культуре. Главное в его эстетике природы – драматические поиски целостности объективно-предметных явлений и субъективных человеческих эмоций, единства телесности и духовности, добра и красоты.

GAMTOS ESTETIKA IR JOS NACIONALINIAI KULTŪRINIAI PAGRINDAI MICHAILO ŠOLOCHOVO PROZOJE

Aleksandr Dyrdin

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjami pasaulėžiūriniai gamtos vaizdavimo Michailo Šolochovo kūryboje aspektai kaip išraiška rašytojo estetikos, susietos su nacionaline kultūrine tradicija.

Tragiškame gyvenimo pajautime, kuris derinamas su ryškiai išreikšta tiesos ir teisingumo intuicija, pastebimas dominuojantis estetinės M. Šolochovo pozicijos bruožas. Epinio rašytojo sukurtus gamtos

vaizdus galima suskirstyti į dvi sritis: gamtos ir estetinės sąmonės. Žmogaus ir jį supančios realybės tarpusavio sąveikos simbolizmas M. Šolochovo prozoje pagrįstas grožio idealu, susiklosčiusiu Rusijos istorijoje ir kultūroje. Rašytojo gamtos estetikos branduolį sudaro objektyvaus pasaulio reiškinių ir subjektyvių žmogaus emocijų, kūniškumo ir dvasingumo, gėrio ir grožio vienovės dramatiška paieška.

Получено: 2012, июнь
Принято: 2012, октябрь

Адрес автора:
Ульяновский технический университет
Кафедра филологии,
издательского дела и редактирования
г. Ульяновск, Россия
E-mail: dyrd@ulstu.ru